

© 1990 г

ЧЕТВЕРУХИН А. С.

ЕГИПЕТСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ДВУХ АФРАЗИЙСКИХ
ДЕЙКТИКО-РЕЛЯТИВНЫХ МОРФЕМ

Для лучшего понимания проблем, рассматриваемых в данной работе, необходимо напомнить читателю, что египетская система письма [1—5] не обладала специальными графемами для передачи гласных; письмо не было построено только по фонетическому принципу — принцип, по которому было построено египетское письмо, можно определить как смешанный фоно-идеографический; графемы, обозначающие сонанты и гортанный взрыв типа немецкого кнаклаута, часто опускались, и, наконец, фонетическое содержание консонантов известно все еще достаточно приблизительно. Вышеуказанное сильно препятствует лингвистическому анализу решительно во всех областях египетской грамматики. Именно это обстоятельство обусловило развитие особой области египетской филологии — исследований по египетской вокализации, преследующих как чисто «утилитарные» цели, а именно расшифровку фонетического прочтения египетской словоформы — в том числе имен собственных, в первую очередь царских, имен сановников и т. д., если речь идет об историческом исследовании, имен богов, географических названий и т. п., о чем нередко возникают споры среди специалистов (один из принципов условного чтения см. [6]), — так и «теоретические» цели, т. е. объяснение принципов этой вокализации как ради последовательности в ее системе, так и ради соотнесения ее в рамках афразийской семьи языков с системами вокализации родственных языков. Подобные цели неизбежно приводят к необходимости максимально глубокого анализа египетской морфологии, представленной, как и в родственных языках, не столько внешними — а ф ф и к с н ы м и — средствами, сколько внутренними — т р а н с ф и к с н ы м и, подчиняющимися далеко еще не понятым законам, причем каждый морф трансфикса являлся, видимо, д е й к т и ч е с к и м по своему происхождению. Что же касается аффиксных морфем, то их дейктическое происхождение вне сомнений. К этому необходимо добавить, что потребности текстологии в самом широком смысле термина обусловили значительный рост интереса к египетскому синтаксису вообще, но в особенности к актуальному синтаксису. Именно на уровне логико-грамматического анализа предложения высветилась роль частиц как актуализаторов, причем оказалось необходимым начать исследование их этимологии. К тому же сравнительно давно было подмечено, что местоимения и частицы в афразийских языках по сути являются разными комбинациями одних и тех же дейктических морфем [7]. Таким образом, именно на уровне анализа частиц и местоимений проходит стык двух основных направлений исследований не только в области египетской филологии, но и афразийской лингвистики вообще. Само собой разумеется, что материал частиц и местоимений настоятельно ведет исследователя в область сравнительно-исторического языкознания — в нашем случае — в рамках афразий-

ской семьи. Поэтому египетские частицы и местоимения уже хотя бы в силу древности их письменной фиксации являются бесценным материалом, а изучение форм типа рассматриваемой ниже приобретает вполне определенный смысл.

В египетском языке III—II тыс. до н. э. наряду с другими формами вопросительного местоимения существовала также такая, которая, согласно Большому берлинскому словарю [8], имела следующие написания: (1)¹ (Тексты пирамид, Старое царство), (2) (Среднее царство), (3) (Новое царство), в том числе (4) (Девятнадцатая династия, Новое царство) [8, т. 1, с. 126; т. 3, с. 424—425], что в условной египтологической транслитерации передается как *zj*. В Среднем царстве, когда процесс конвергенции старых *s* (5) и *z* (6) завершился, форма получила также написание (7) [4, с. 407; 9, с. 211]. В Старом царстве было также краткое написание (8) *z* [10, т. 2, с. 518]. Итак, исходными написаниями можно считать краткое, т. е. (9) *z*, и полное, т. е. (10) *zjj*, если считать, вслед за Э. Эделем, что в Старом царстве каждая графема «метелка камыша» в двойном написании порознь означала *j* в отличие от более поздних периодов, когда «две метелки камыша» означали *j* в срединной и конечной позициях в противоположность «одной метелке камыша», которая в начальной и средней позициях могла передавать как *кнаклаут*, так и *йот*. Поскольку никто еще не исследовал ни этимологию этого вопросительного местоимения, ни его вокализацию, то условное пографемно-линейное чтение ориентировалось на горизонтальную расстановку знаков и принималось за *zj*, *zjj* для староегипетского и *sj* для более поздних периодов, а новоегипетская форма *isj* как окказиональная оставалась без интерпретации. Уже само наличие хотя и позднего, но наиболее полного написания с начальной «метелкой камыша» намекает на то, что форма не обязательно начиналась на *z > s*. Но даже и без намека этого позднего написания условность традиционной транслитерации *zjj* вытекает из принципа графического сочетания узкого горизонтального знака «засов» [(11) *z*] и двух узких вертикальных знаков «метелка камыша» [(12) *j*]. Вследствие вполне возможной группировки знаков не «по ходу чтения», а «ради удобства расположения», т. е. в целях экономии места, традиционное прочтение словоформы может быть подвергнуто сомнению, в особенности, если предположить, что данное горизонтальное расположение знаков восходит к более компактному вертикальному (13), развернутому потом как (14) [11, с. 77—87; 4, т. 1, с. 39—42].

Рассматриваемое местоимение имело две функции: 1) вопросительного местоимения «кто?», «что?», и 2) вопросительно-относительного местоимения «какой?», «что за?», «который?» (тоже безотносительно к категории одушевленности—неодушевленности) [10, т. 2, с. 494, 518—519; 4, с. 407; 12, с. 681]. В первой функции встречаются и другие вопросительные местоимения, но во второй — только это. Данные функции представляется возможным охарактеризовать и как: 1) дейктико-интеррогативную и 2) дейктико-релятивно-интеррогативную. В функции 1) эта форма выступает в качестве первого или второго конституента предложения (1а и 1б). В 1а это логико-грамматический предикат (рема) с факультативным постпозитивным актуализатором набора², *tr* и *pw* — последний является и формальным логико-грамматическим субъектом, но не конституентом вследствие формального характера своей функции [13, с. 97—111]. В 1б эта форма, читаемая пока что как *zjj* или *jzj*, встречается очень ред-

¹ Здесь и далее полужирные цифры в скобках означают номера фрагментов оригинальных текстов и слов, данных в сводном указателе в конце статьи.

ко в риторическом вопросе [14, с. 64—65]. В функции 2) эта форма стоит перед тем членом предложения, по отношению к которому ставится вопрос, и является вопросительным эквивалентом определения, выражаемого в старо- и среднеегипетском демонстративом ряда p', t', n' .

В эпоху Девятнадцатой династии наряду с выходящей из употребления формой zjj, jzj на не очень продолжительное время появляется графически внешне с ней не связанная форма (15). Большой берлинский словарь приводит также форму (16). Обе транслитерируются как it (где t — условное обозначение фонемы, близкой к русской, обозначаемой «ч»), и формы снабжаются значениями вопросительного местоимения «какой?», «что за?», «кто?» с пометой «часто перед последующим существительным» [8, т. 1, с. 150]. В «Новоегипетской грамматике» А. Эрман подробно останавливается на употреблении этой формы, отмечая, что «странное написание (17) встречается только в текстах, изложенных изысканным языком (in Texten gewählter Sprache)», т. е. литературных. Употребление этой формы вполне соответствует таковому предыдущей в функциях 1) и 2) [15, с. 376—377; 16, с. 36, 531, 558]. Но эта форма встречается и вне литературных текстов в значениях «какой?» и «где?» [17, с. 61]. Затем эти формы вытесняются другими и исчезают из языка.

«Странность» написания вышеуказанной «новой» формы заключается в том, что она передана особым приемом египетского письма — так называемым слоговым, или групповым, письмом, которое применялось в основном в отношении иноязычных заимствований, для передачи топонимов, этнонимов, имен иностранных богов и теофорных имен, имен собственных, но окказионально и для исконно египетских слов, имевших традицию письменной фиксации, а также для египетских слов, ранее Нового царства не употреблявшихся, либо с позабытой этимологией.

У. Ф. Олбрайт был первым, кто систематизировал материал по чтению группового письма, настаивая на том, что этот вид письма предназначался для максимально точной передачи фоносостава словоформ. Он учел и рассматриваемую форму, установив, что ее фонетическое содержание приближается к $'i\dot{c}i$ ($i + ti$) и именно в таком составе сравнимо с ханаанейской формой, реконструируемой им как $*\dot{e} + z\dot{e}$, евр. (18) «какой?», «какой?», намекая на то, что это ханаанейское заимствование в египетский [18, с. 35, 64]. В. Хельк в целом подтвердил чтение словоформы, уточнив его как $'i_4 + \dot{s}i / = \acute{a} / = \acute{u}$ [19, с. 592 и сл.]. Следующий вопрос — реконструкция фонетического содержания $\dot{s}i$ (также $\acute{s}a, \acute{s}u$), и в первую очередь — вопрос о \dot{s} . С учетом фонетического значения группы (19) при передаче иноземных заимствований [20] и с учетом исследований по исторической фонетике египетского языка [21, с. 48; 22, с. 38—40] это мог быть полувзвонкий сибилант, либо полувзвонкая дорсальная аффриката. Ханаанейская форма могла здесь содержать либо звонкий ффрикатив z , либо звонкую дорсальную аффрикату dz ². Начальное еги-

² С такой реконструкцией для рубежа II—I тыс. до н. э. согласился и И. М. Дьяконов, с которым советовался автор. По мнению И. Ш. Шифмана, у которого консультировался автор, ханаанейская форма должна была иметь вид $'aj-\dot{d}i/u, 'aj-\dot{d}ih$ [ср. араб. (20)] «какой?», реже «где?». Качество этой фонемы в соответствии с нашим материалом должно было приближаться тем не менее к dz , что сближает эту реализацию с протоафразийской реконструкцией dz [23, с. 339]. Встает вопрос, свидетельство ли это архаичности именно такой реализации данной протофонемы в ханаанейском или же это результат ее вторичного, циклического, развития. Не пытаюсь судить, мы предлагаем обратиться к очень показательному в данном случае материалу арабского языка. Ср. следующее замечание Ж. Кантино, на работу которого в этой связи любезно обратила внимание автора О. Б. Фролова, а именно [24, с. 44—45]: «В современ-

петское 'i- сопоставимо с ханаанейским 'é- (<'ej- < 'aj-). В отношении реконструкции ауслота египетской словоформы рубежа II—I тыс. до н. э. можно предположить, что он был представлен либо i неопределенной долготы, либо e неопределенной долготы и окраски. Тогда египетское написание мыслимо реконструировать как 'isi, 'ise, 'itsi, 'itse (где s, ts — полузвонкие), но не только так, см. ниже. Таким образом, гипотеза У. Ф. Олбрайта, хотя и не сформулированная достаточно ясно, возможна.

И тем не менее, заимствование вопросительного местоимения в египетский язык из семитских в эпоху, когда Египет был еще могущественной державой, проводившей весьма активную внешнюю и внутреннюю политику, и где ни один чужой язык не являлся престижным вплоть до эпохи эллинизации, тем более в литературном языке Нового царства выглядит по меньшей мере странным. В то время Египет не испытывал и мощного идеологического воздействия, что имело место много позже и что привело в начале нашей эры к сильному разбавлению египетского словарного состава сначала греческой, затем — арабской лексикой, а в конце концов и к почти полному вытеснению египетского языка арабским [25, с. 8 и сл.]. Заимствование семитской лексики в египетский шло постоянно и усилилось к рубежу II—I тыс. до н. э., но не было интенсивным.

Уже само сравнение условно транслитерируемых *jzi* и *it* заставляет предположить, что это одна и та же форма, но только в разных написаниях: традиционном, типа (24), и нетрадиционном (25) и других. Сам смысл группового или силлабического письма, как показывает материал работ У. Ф. Олбрайта или В. Хелька, состоял в том, чтобы реbusным способом при помощи игры на связи идеографического значения написания корневой морфемы и ее фонетического содержания передать фонетическое значение словоформ, на которое очень трудно было намекнуть чисто «фонетическим» написанием, а применение той или иной идеограммы как таковой или в качестве детерминатива не дало бы желаемого результата либо привело бы лишь к общему отнесению данной лексемы в тот или иной круг понятий. Компоненты группового письма — это корневые морфографемы, по меткому определению Н. С. Петровского. За каждой такой морфографемой на более или менее длительный период истории в условиях господства определенной централизованной престижной письменно-языковой нормы устно было закреплено определенное фонетическое значение. Сочетание в графическом облике словоформы двух или более корневых морфографем при условии, что такое написание не могло быть понято как словосочетание или компо-

ных арабских диалектах можно постулировать следующий принцип: интердентальные спиранты сохраняются как таковые, т. е. как *t̤*, *d̤*, *ḏ̤*, в говорах кочевников или древних кочевых племен, но переходят в соответствующие окклюзивы *t*, *d*, *ḏ* в говорах оседлого населения... Новые окклюзивные денталы *t*, *d*, *ḏ*, восходящие к интердентальным спирантам, испытывают то же, что и древние окклюзивные денталы. В частности, *t* (<*t̤*) подвержено тем же изменениям, что и древнее *t*: аффрикации в *ts*, *tš*, палатализации в *ty*, спирантизации в *t̤* — в последнем случае ... может воспроизводиться первоначальная артикуляция». Ср. также материал египетского диалекта арабского языка. Так, в начале XX в. *ḏ* (21) в Египте (и в Сирии) звучал как *d*, *ds*, *z*. Престижная норма была *z*, разговорная — *d*. Но форма (22) во всех случаях уже, кажется, звучала как *dā*. Зато в срединной позиции в старой форме (23) *hāḏā* отмечается нормативное *z* (*hāzā*), противопоставляемое просторечному *ds* [26, с. 7 и сл.]. Современное пособие по египетскому диалекту намекает на соответствие *d* : -*d*/*z* : -*z*/*d*, где приоритет альтернатив определялся необходимостью устранения возникающих омонимий [27].

зит, уже сигнализировало о требовании при ее чтении особого подхода, т. е. такое слово следовало читать поморфграфемно, отбрасывая конечные полугласные, ср. [28, с. 49—51]. Поэтому написание (26) является гиперкорректным написанием древних (27) и (28). Заметим, что группа (29) могла здесь передавать звонкую фонетическую реализацию фонемы *z* в интервокальной позиции после утраты *z* своего прежнего фонетического статуса фонемы в результате ее конвергенции с *s*.

Получается следующее: с одной стороны, перед нами явная фонетическая близость разных написаний одной и той же египетской словоформы, с другой — явная фонетическая близость египетской и ханаанейской лексем. Напрашивается предположение, что перед нами фонетическая близость форм, связанных общим афразийским происхождением. Не исключено, что именно под влиянием этой близости, обнаруженной самими египтянами, они стали писать свою словоформу на тот же манер, на который они писали семитские заимствования, т. е. слоговым или групповым письмом.

Как показывает даже написание еврейской формы, она двусоставная: (30). Первый компонент фонетически и функционально восходит к протоафразийской основе **zV* [29, с. 30; 30, с. 64; 31, с. 74; 32, с. 83] и реализуется (без учета количества и качества сопровождающего гласного) следующим образом: араб. *d-* (см. также выше), евр. *z-*, угар. *d-*, финик. *z-/š-*, акк. *š-*, южноаравийск. *d-*, эфиосемитские *z-*; берб. *d-*; хауса *d (a)* — «относительное союзное слово со значением „что“» [30, с. 64]. В арабском имеется и субстантивная форма: «который (того-то)» > «обладатель (того-то)», не обязательно одушевленный, т. е. *dū, dī, dā*. Наконец, отметим, что дейктическая основа **zV* реализуется и как указательно-местоименная без оттенка релятивности, например, в арабском, еврейском и некоторых других, как самостоятельно, так и в составе более сложных местоименных композитов.

Несколько сложнее с интерпретацией начального евр. *'ē-* (из *'aj-*). Для этого следует сделать весьма существенное допущение: в афразийских языках служебные морфемы первоначально (т. е. на уровне протоафразийского языкового континуума) представляли собой позиционно не связанные элементы с самостоятельным значением, которое мы определяем в общем виде как дейктическое. Выборочный материал — хронологически наиболее древний — должен позволить судить о правомерности такого допущения. Так, и в аккадском, и в египетском прослеживается рудиментарный суффикс локатива-адвербиала *-aj* [10, т. 2, с. 379—383; 33, § 113 k], а в аккадском — и вопросительное местоимение *'aj* «где?» [34, с. 220]. В аккадском морфема *'aj-* входила также в состав вопросительных местоимений *'ajikāni* и *'ajik'atam* «где?» [34, с. 220, 231—232], ср. также евр. *'ajjē* «где?» и евр. *'aj-* «где?» [35, с. 295, 484], араб. *'ajna*. На протоафразийском уровне в составе вопросительных местоимений дейктико-релятивная морфема, условно реконструируемая как **i*, в сочетании с дейктической морфемой *'a-*, приняв форму *'aj-*, приобрела значение «где?», а в составе сложных местоименных форм (см. также ниже) получила и значение общевпросительного маркера. При этом вполне возможно, что значение *'a-* следует реконструировать как «туда, там». Тогда вся форма в самостоятельном употреблении, а в ряде случаев — и как база для последующего расширения при сохранении этого значения, претерпела незначительную эволюцию от значения «там» + «которое (это)» в «где?». Вполне аналогична и реализация афразийской дейктической основы **mV*. Одновременно с этим она выступает в виде префикса к глагольным осно-

вам, субстантивируя их в сочетании с трансфиксными и суффиксными морфемами в имена действия, места действия, деятеля, подлежащего и т. д. Эта же основа выступает в качестве вопросительного местоимения, а также входит в состав местоименных композитов. Данная морфема прослеживается на обширном материале афразийских языков [10, т. 1, с. 109—110; т. 2, с. 515—517; 36, с. 146, 224; 31, с. 75].

Некоторые местоименные основы восходят в конечном счете к междометиям. Это основы слоговой структуры C/S + V, т. е. афразийские 1V , 2V , hV , hV , jV , wV в значении первоначально эмоционально окрашенных указующих окриков. Будучи функционально и фонетически близки, эти основы могли, вероятно, контаминироваться. Может быть именно этим обстоятельством объясняется трудность реконструкции некоторых афразийских фонем, где опорным материалом являются служебные морфемы — аффиксы, указательные и личные местоимения. Все эти основы представлены и в египетском [10, т. 2, с. 432—433]. Мыслимо развитие шло от междометия указания — обращения к указательному местоимению. Семантическая связь указания и обращения эксплицитна на материале функционирования этих частиц в паре к демонстративам рядов $-w$ и $-n$ в качестве экспонентов вокатива, как и их раздельное (альтернирующее) употребление в той же функции [10, т. 1, с. 86]. В частности, очевидна генетическая и функциональная связь арабской частицы (экспонента) вокатива $j\bar{a}$ и египетской $*j\bar{a}$, ср. [8, т. 1, с. 25].

При анализе афразийских дейктических морфем создается впечатление, что первичные формы структуры C/SV очень рано дифференцировали качество гласного в зависимости от приуроченной ему функциональной нагрузки, заключавшейся прежде всего в выражении локативно-направительных отношений. Например, имеется основание для реконструкции дейктико-релятивной морфемы $*i$ в двух реализациях $*ja$ и $*ji$, где гласные уточняли «дистанцию указания»: харари ja , ja' , ja' (где гортанный в двух последних формах — вторичное усиление) «тот», но ji «этот» [37, с. 317]; амх. jeh (< $*ji + hi$ «вот этот») «этот», но ja «тот» [38, с. 25]. Отсюда теоретически возможно развитие форм 3 л. релятивного ряда личных местоимений, что, возможно, лучше всего видно на примере хауса $-ya$ «он» [39, с. 39 и сл., ср. с. 163]. Соположение указанной морфемы с глагольными основами образует некоторые финитные формы семитского префиксного спряжения [40, с. 52—53]. В этой связи И. Н. Воевуцкий любезно указал автору на релятивную частицу $je-$ в амхарском и представил ряд источников по южным эфиосемитским языкам. Амх. je соответствует $j\bar{a}$ в гураре, гафат и аргобба в тех же позициях и функциях [41, с. 44, 54]. Эта же морфема реализовалась и как предлог «к, для; поскольку, из-за» [41, с. 179].

Эта же релятивная морфема встречается в срединной позиции в составе местоименных композитов, например, в формах вопросительного местоимения «какой?» в аккадском и арабском: акк. м. р. ${}^1ajj\bar{u}(m)$, ж. р. ${}^1ajj\bar{i}tu(m)$, араб. соответственно ${}^1ajju(n)$ и ${}^1ajjatu(n)$. Относительно начального $aj-$ см. выше. Второй йот с гласным — та же протоафразийская дейктико-релятивная морфема, но специализированная на релятивной функции, причем здесь гласный сигнализирует о роде и падеже. Буквально такая форма читается как «? + который / ая + он / она / его (и т. д.)». Помимо этой формы, но менее эксплицитно, протоафразийская релятивная морфема i встречается в составе парадигмы аккадского самостоятельного притяжательного местоимения, часть форм которой соответствует таковым старой парадигмы личного независимого местоимения в египет-

ском языке и кушитской парадигмы местоимения с инфиксом *-j-* [36, с. 77, 223—224; 33, § 44 с; 42, с. 227—228]. Релятивная функция этой морфемы в аккадской парадигме может быть понята при допущении, что морфема 1 л. либо предствлена \emptyset , либо совпадает с релятивной морфемой и опущена ради устранения гаплогогии, а интервокальный алеф (возможен также йот) — результат переосмысления сонанта релятивной морфемы в глайдовый сонант с неустойчивым качеством реализации в зависимости от узуса данной эпохи. Итак, форма 1 л. *ja'im* «мое» расшифровывается как $\emptyset + ja + im$ «(я, меня) + которого + это»; 2 л. *ku'a'im* из *ku + ja + im* «ты, тебя + которого + это».

И, наконец, постфиксная реализация указанной дейктико-релятивной морфемы в качестве суф. *-ij-* относительного прилагательного (нисбы) очень хорошо известна в силу ее продуктивности в семитских и египетском старом состоянии. И уж совсем вероятно, чтобы с этим суффиксом не была генетически связана флексия генитива *-i*, эксплицитная в некоторых семитских языках старом состоянии [43, с. 112], хотя относительно характера этой связи существуют две диаметрально противоположные концепции, анализировать которые здесь неуместно и преждевременно.

Возвращаясь к египетскому материалу, следует заметить, что если предположения о египетских формах вопросительного местоимения сделаны корректно и родство египетского и семитского вопросительного местоимений приемлемо, то логично и предположение о членении египетской формы на два компонента: *j + zj*. Начальный *j* является в таком случае египетской реализацией общеафразийской дейктико-релятивной морфемы *i*, но не в функции маркера вопроса, ибо в других египетских вопросительных местоимениях он отсутствует, но, по-видимому, в функции, близкой к чисто релятивной либо релятивно-направительной (**ji-* «который этот», либо **ja-* «который тот», см. выше о составе *'aj-* и *ja, ji* в афросемитских языках). Но и вторая часть тоже представляет собой явный композит: *z + j*, где *z* восходит к общеафразийской дейктико-релятивной морфеме **zV* (см. выше), а *-j* — повторение соответствующей дейктико-релятивной морфемы. В таком случае вторая часть местоименного композита означает «тот + который», а вся вопросительная форма — «который этот / тот = тот, который (есть) X?» в значении «какой, который, что за?». Ввиду недифференцированности первичного демонстратива и первичного наречия возникновение значения «где?» можно объяснить через интерпретацию «который тут / там = тот, который (есть) X?». Проконстатируем, что поиски иных реализаций морфемы **zV* в египетском не увенчались успехом, кроме, разве что, одного случая: мы имеем в виду существительные *zj* «мужчина» и *zj.t* «женщина». Транслитерация дается по Э. Эделю, вообще же написание с йотом является очень редким. Первоначально мы пытались возвести афразийскую морфему **zV* к существительному «человек», ср. нем. *man*, франц. (*l'*)*on*, но нигде не обнаружили развития значения «человек» > неопределенно-личное местоимение > демонстратив. Зато указательное местоимение анафорически широко употребляется повсеместно для указания на персону. Да и развитие арабской формы «обладатель» из дейктической основы не вызывает сомнений. По мнению И. М. Дьяконова, высказанному автору в ходе обсуждения данного материала, исходной основой в египетских формах *z (j)*, *z (j).t* является дейктическая с последующей дифференциацией при помощи родовых показателей. Афразийский материал, по его мнению, не дает оснований предполагать, что указанная дейктическая основа изначально соотносилась с классом одушевленных предметов. В коптском сохранились лишь рудименты этой

формы в составе преформатива существительных — имен обладателя профессии, качества, обитателя, и некоторых других, а именно в *sa* (*n*)- [*<* «человек» (+ нота генитива | *n*-)] [44, с. 23—24]. Здесь значение лексемы «человек» в особенности близко к значению субстантивированного релятивного демонстратива в арабской форме «обладатель». Эволюция этой морфемы в египетском такова: дейктическая морфема *>* субстантив *>* префиксная морфема с различными значениями субстантивации.

Обобщая материал по реализации общеафразийской релятивной морфемы *i* в египетском, следует отметить, что она представлена: 1) в суффиксе относительного прилагательного, см. выше; 2) в составе частицы *jn* [45, 46]; 3) возможно, в составе отрицаний *jw* и *jw**tj* — в последнем бесспорно в последней позиции; 4) наверняка в составе причастий, относительных глагольных форм и — реже — в основах финитных глагольных форм суффиксного спряжения (чаще в старо- и новоегипетском языках, значительно реже — в среднеегипетском). По поводу этих форм с начальным йотом со времени издания специальной работы К. Зете [47] считалось, что начальный йот представляет собой протетику. Но инвентарь форм [10, т. 1, с. 199—203; 4, с. 209; 16, с. 162] и, что самое главное, — их прослеживаемое морфологическое строение [10, т. 1, с. 202—203] зачастую не позволяют объяснить этот начальный йот таким способом. Протетику еще можно было бы постулировать в формах императива, если обязательно ориентироваться на арабские формы, начинающиеся с протетического («васлового») алефа. Наличие же в причастии, относительной глагольной форме или даже в финитной с релятивным значением специального маркера релятивности представляется вполне оправданным. Отметим, что поздние рудименты префикса намекают на древнее чередование в его составе гласных *i/a*. Теперь обратимся к вероятностному обоснованию вокализации египетского относительно-вопросительного местоимения «который?».

Знак (31), читаемый У. Ф. Олбрайтом [18, с. 35, 64] и В. Хельком [19, с. 592] как *'i* в результате сопоставления с еврейским заимствованием (32) «остров» [8, т. 1, с. 47; 48, с. 392], так и ввиду соответствия ему *-i* в коптском топониме (33) (Philae, остров Филе) [8, т. 1, с. 47; 49, с. 159], вследствие его поздней контаминации со знаком (34) (идеограмма и детерминатив к лексемам «поток», «канал») по лексеме «поток», ср. [50, с. 82; 49, с. 66; 8, т. 1, с. 146; 51, с. 108], начинавшейся с фонетической последовательности *ja-* (вар. *jo-*), в соответствии с правилами использования морфографемы в качестве знака группового письма, изложенными выше, мог наряду с чтением *'i* иметь и значение *ja* (-), к этому см. также материал по указанному знаку в таблице знаков Э. Х. Гардинера [4, с. 487]: (35) *Yaret*, сирийский топоним, где (36) раскрывается как *ja-*. По закону анлаутной позиции *ja-* мог чередоваться с *'a-*. В этой связи ср. более позднее написание имени собственного, принадлежавшего вождю ливийского племени *Mšwš*, современнику царей Пийя (Пианхи) и Шабаки (XXV Дин.), именуемому *Аюнош*: Гебель Баркал (37) и Мединет Хабу (38), где соответствие (39) при наличии в составе словоформы знаков, наиболее вероятно передающих *-o-*, свидетельствует в пользу начального *'a-* — любезно представленным материалом данных написаний я обязан А. Г. Суцескому. См. также теоретические соображения о возможности фоно-морфологического чередования *ja-* / *ji-*. Второй и третий элементы вопросительного местоимения должны были образовывать структуру типа *-zij + V*, где *V* был либо тоже дейктическим показателем, либо функционировал

1	𐎗 44, 𐎗 44	𐎗 (𐎗)	19
2	𐎗 44	𐎗, 𐎗, 𐎗	20
3	𐎗 𐎗, 4𐎗 𐎗 𐎗	𐎗	21
4	4𐎗 444	𐎗	22
5	𐎗	𐎗	23
6	𐎗	𐎗, 𐎗 44	24
7	𐎗	4𐎗 444, 𐎗 𐎗 𐎗	25
8	𐎗	𐎗 𐎗 𐎗	26
9	𐎗	𐎗	27
10	𐎗 44	𐎗 44	28
11	𐎗	𐎗 (𐎗)	29
12	4	𐎗 + 𐎗	30
13	44	𐎗	31
14	𐎗 44	𐎗	32
15	𐎗 𐎗 𐎗	𐎗𐎗𐎗	33
16	𐎗 𐎗 𐎗 𐎗	𐎗𐎗	34
17	𐎗 𐎗 𐎗	𐎗 𐎗 44	35
18	𐎗 𐎗	𐎗	36
37	𐎗 𐎗 𐎗 𐎗, 𐎗 𐎗 𐎗 𐎗	38 𐎗 𐎗 𐎗 𐎗	
	39 𐎗 = 𐎗 = 𐎗		

в качестве падежной флексии³. Если он был дейктическим морфем, то по качеству не должен был быть равен *i*, ибо в таком случае йот в интервокальном положении был бы элидирован. В такой интерпретации вся форма приблизительно вокализуется следующим образом: староегипетский — **ji / aziV* (где *V = a?*), среднегипетский — **j / 'i / azi*, новоегипетский — **i / e? / azej / i / e*, где *z* в последних двух формах является фонетической реализацией сибиллянтной фонемы *s*.

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что сам факт столь широкого функционирования дейктико-релятивной морфемы *i* в афразийских языках ярко свидетельствует об исключительной роли определенной конструкции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Петровский Н. С. Египетский язык. Л., 1958. С. 30—67.
2. Коростовцев М. А. Египетский язык. М., 1961. С. 15—23.
3. Петровский Н. С. Звуковые знаки египетского письма как система. М., 1978.
4. Gardiner A. H. Egyptian grammar. 2nd ed. L., 1950.
5. Schenkel W. Einführung in die klassisch-ägyptische Sprache und Schrift. Tübingen, 1987. S. 27—59.
6. Перепелкин Ю. Я. Хозяйство староегипетских вельмож. М., 1988. С. 6—7.
(V)
7. Rundgren F. Über Bildungen mit *s*- und *n-t*-Demonstrativen im Semitischen. Beiträge zur vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen. Uppsala, 1955.
8. Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Bd 1—5. Berlin, 1955.
9. Faulkner R. O. A concise dictionary of Middle Egyptian. Oxford, 1964.
10. Edel E. Altägyptische Grammatik. Bd 1—2. Rome, 1955, 1964.
11. Sethe K. Die altaegyptischen Pyramidentexte. Bd 4. Leipzig, 1922.
12. Lefebvre G. Grammaire de l'égyptien classique. Le Caire, 1940.
13. Четверухин А. С. Синтаксическая функция указательного местоимения *pw* в староегипетском именном предложении // ВДИ. 1981. № 4.
14. Roeder H. Die Prädikation im nominalen Nominalsatz // Göttinger Miscellen. 1986. Hf. 91.
15. Erman A. Neuägyptische Grammatik. 2. Aufl. Leipzig, 1933.
16. Černý J., Groll S. I. A late Egyptian grammar. Rome, 1984.
17. Lesko H. A dictionary of Late Egyptian. V. 1. Berkeley, 1982.
18. Albright W. F. The vocalization of the Egyptian syllabic orthography. New Haven, 1934.
19. Helck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962.
20. Берлев О. Д. Незамеченный до сих пор финикизм в отчете Венамуна о поездке в Библ // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. VIII. М., 1972. С. 73—74.
21. Worrell W. H. Coptic sounds. Ann Arbor, 1934.
22. Vergote J. Phonétique historique de l'égyptien. Les consonnes. Louvain, 1945.
23. Дьяконов И. М. Значение Эблы для истории и языкознания // Древняя Эбла. М., 1985.
24. Cantineau J. Cours de phonétique arabe suivi de notions générales de phonétique et de phonologie. P., 1960.
25. Хосроев А. Л., Четверухин А. С. Вводная часть // Ернштедт П. В. Исследования по грамматике коптского языка. М., 1986.

³ Вопрос о наличии падежной системы в египетском был вновь поставлен покойным Дж. Б. Каллендером в 1975 г. [52] и нами примерно одновременно [53, 54]. Для семитских языков наличие падежной системы на определенном этапе их развития было доказано И. Дж. Гельбом [36], абсолютно опровергающим тезис Б. М. Гранде [55], согласно которому «первоначально (в протосемитском состоянии языков) падежных флексий не было, и трехступенчатая система падежей развилась впоследствии в некоторых из этих языков». Идею наличия падежной флексии по крайней мере в староегипетском разделяют также О. Д. Берлев и И. М. Дьяконов. Мы эту идею собираемся развить в другом исследовании. Но уже сейчас можно сказать, что любая падежная система, в частности и староегипетская, в конечном счете основывается на анафорическом употреблении дейктических морфем и первоначально выражает, помимо анафорических, также и локативно-направительные отношения. См. также [56].

26. Green A. O. A practical Arabic grammar. Oxford, 1901.
27. Oliverius Ja., Veselý R. Egyptská hovorová arabština. Praha, 1965.
28. Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию. М., 1963.
29. Белова А. Г., Дьяконов И. М., Милитарев А. Ю., Порхомовский В. Я., Столбова О. В. Сравнительно-исторический словарь афразийских языков. Вып. 3 // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. XIX. Ч. III. М., 1986.
30. Горшкова Н. Н. Форманты указательности в языке хауса // Семитские языки. Вып. 3. М., 1976.
31. Дьяконов И. М. Семито-хамитские языки. М., 1965.
32. Diakonoff I. M. Afrasian languages. M., 1988.
33. Von Soden W. Grundriß der akkadischen Grammatik. Roma, 1952.
34. Gelb I. J., Landsberger B., Oppenheim L. A., Reiner E. The Assyrian dictionary. V. 1 A. Chicago, 1964.
35. Kautzsch E. Wilhelm Gesenius' Hebräische Grammatik. 27. Aufl. Leipzig, 1902.
36. Gelb I. J. Sequential reconstruction of Proto-Akkadian. Chicago, 1969.
37. Wayne E. Harari-Texte in arabischen Schrift. Wiesbaden, 1983.
38. Юшманов Н. В. Амхарский язык. М., 1959.
39. Ольдерогге Д. А. Язык хауса. Л., 1954.
40. Старинин В. П. Эфиопский язык. М., 1967.
41. Leslau W. Gafat documents. New Haven, 1945.
42. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии. М., 1967.
43. Brockelmann C. Semitische Sprachwissenschaft. Leipzig, 1906.
44. Еланская А. И. Коптский язык. М., 1964.
45. Chetverukhin A. S. Unexpected linguistic interpretation of JN «SAY(S), SAID» // Göttinger Miszellen. 1988. Hf. 104.
46. Четверугин А. С. Египетский маркер агенса *jn* и предлог «для; от» *n* // АН СССР. Ордена Трудового Красного Знамени Ин-т востоковедения. Тез. конф. аспирантов и молодых сотрудников. Языкознание. М., 1988.
47. Sethe K. De aleph prosthetic. В., 1982.
48. Vycichl W. Grundlagen der ägyptisch-semitischen Wortvergleiche // Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts Abteilung Kairo. Bd 16. Wiesbaden, 1958.
49. Vycichl W. Dictionnaire étymologique de la langue copte. Leuven, 1983.
50. Crum W. E. A Coptic dictionary. Oxford, 1962.
51. Fecht G. Wortakzent und Silbenstruktur. Untersuchungen zur Geschichte der ägyptischen Sprache. Glückstadt; Hamburg; New York, 1960.
52. Callender J. B. Afro-Asiatic cases and the formation of ancient Egyptian verbal constructions with possessive suffixes // Afroasiatic linguistics. V. 2. Issue 6. Malibu: Undena, 1975.
53. Четверугин А. С. Вокализация именных морфологических показателей египетского языка // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Вып. XII. Ч. II. М., 1977. С. 270—274.
54. Четверугин А. С. Логико-грамматический предикат в староегипетском именном предложении и категория падежа и детерминации в родственных языках // Древний и средневековый Восток. История, филология. М., 1983. С. 106—120.
55. Гранде В. М. Происхождение падежных флексий в семитских языках // Арабская филология. М., 1968. С. 25.
56. Ельмслев Л. О категориях личности—личности и одушевленности—неодушевленности // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.